

23000

Миль на Яхтѣ

Тамара

ПУТЕШЕСТВІЕ

Великихъ Князей Александра и Сергія Михайловичей

въ 1890-1891 гг.

Томъ I.

23,000 МИЛЬ

НА ЯХТЪ

„ТАМАРА“

ПУТЕШЕСТВІЕ

Ихъ Императорскихъ Высочествъ

Великихъ Князей

АЛЕКСАНДРА и СЕРГІЯ
МИХАЙЛОВИЧЕЙ

въ 1890—1891 гг.

Путевыя впечатлѣнія д-ра Г. И. Радде.

Иллюстрировано

академикомъ Н. С. САМОКИШЕМЪ.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1892.

23 000 миль

НА ЯХТЕ

«ТАМАРА»

ПУТЕШЕСТВИЕ

Их Императорских Высочествъ

Великих Князей

АЛЕКСАНДРА и СЕРГЕЯ
МИХАЙЛОВИЧЕЙ

в 1890—1891 гг.

Путевые впечатления д-ра Г. И. Радде

Иллюстрировано

академиком Н. С. Самокишем

Том I

Москва

2024

Paulsen

УДК 910.4+581.9+591.9
ББК 26.89(0)
Д22

Серия
«Золотой фонд Русского географического общества»
Подсерия «Путешествие по-царски»

Редакционная коллегия: С. К. Шойгу (председатель), Н. С. Касимов,
В. М. Котляков, А. А. Манукян, М. Ф. Матвеева, К. В. Чистяков,
И. А. Гуров (ответственный секретарь)

Текст публикуется по изданию:

23 000 миль на яхте «Тамара». Путешествие Их Императорских Высочеств Великих Князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890–1891 гг. : Путевые впечатления д-ра Г. И. Радде ; Иллюстрировано академиком Н. С. Самокишем. В 2 т. С.-Петербург, 1892–1893.

Д22 23 000 миль на яхте «Тамара». Путешествие Их Императорских Высочеств Великих Князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890–1891 гг. : Путевые впечатления д-ра Г. И. Радде. Иллюстрировано академиком Н. С. Самокишем / Г. И. Радде, худ. Н. С. Самокиш : в 2 т. — Москва : Паулсен, 2024. — (Серия «Золотой фонд Русского географического общества», подсерия «Путешествие по-царски»).
ISBN 978-5-98797-366-0
Т. 1. — 304 с.
ISBN 978-5-98797-367-7

Путевые заметки Густава Ивановича Радде (1831–1903), ученого-естествоиспытателя и путешественника, почетного члена Русского географического общества, о путешествии на яхте «Тамара» великих князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890–1891 годах включают не только описание разнообразных морских пейзажей, от скалистых берегов Атлантики до золотых песчаных пляжей Индийского океана, но и рассказывают читателю о повседневной жизни на корабле, его обитателях, повествуют о встрече с Джохорским султаном и туземцами, охоте на слонов и тигров, в книге также содержатся чертежи яхты и карты путешествия. Особую ценность представляют красочные иллюстрации знаменитого русского графика Н. С. Самокиша, благодаря которым книга стала одним из лучших образцов книжной графики своего времени.

УДК 910.4+581.9+591.9
ББК 26.89(0)

ISBN 978-5-98797-367-7

© Русское географическое общество, 2024

Оглавление I тома

Вступительное слово.....	7
Предисловие.....	9
С севера на юг.....	11
Петергоф. — Ревель. — Берега Англии. — Остров Уайт. — Саутгемптон. — Париж. — В Диешпе. — В Плимуте. — Бискайская бухта. — Гибралтар и Цеута. — В Средиземном море. — Алжир. — Сирокко. — Неаполь и Везувий. — Экскурсия в Помпеи. — Сицилия и Харибда. — В Элладе. — Пирейская гавань. — В Афинах. — В Татое. — Босфор. — Севастополь	
Глава I.....	35
На Кавказе. — Неделя до отъезда. — Охота на кабанов в Караязе. — Отъезд из Боржома. — Путь до Батума. — Новороссийск. — Феодосия. — Ялта. — Севастополь	
Глава II.....	46
Яхта «Тамара», обычная жизнь на ней и ее обитатели	
Глава III.....	61
Константинополь. — Чесма. — Порт-Саид. — Суэцкий канал. — Измаилия. — Каир. — Пирамиды. — Древний Мемфис. — Суэц. — Красное море. — Аден. — Сокотора. — Коломбо	
Глава IV.....	98
Неделя на Цейлоне. — Коломбо. — Кэнди. — Нурэлия. — Гакгала. — Обратный путь. — Выход в Суматру. — Ачин. — На пути в Сингапур	
Глава V.....	129
Сингапур. — Остров Малый Нанг. — Остров Люзипара. — Ява. — Батавия. — Бейтензорг. — Банденг. — Синагар. — Семаранг. — Суракарта. — Джокьокарта. — Боробудур	
Глава VI.....	179
Целебес. — Бутон. — Кендари. — Амбоина. — Мангкассар	
Глава VII.....	215
От Целебеса до Сингапура. — Посещение Джохорского султана. — На пути в Цейлон. — Восемнадцать дней в джунглях Гамбантогы. — Охота на слонов	
Глава VIII.....	248
Второе посещение Коломбо. — Прибытие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. — Десять дней на Цейлоне. — Кэнди. — Скачки в Деравилле. — Нурэлия. — Загон и ловля диких слонов. — Возвращение на «Тамару» и отъезд в Индию	
Приложения.....	273

Дорогие друзья!

Этой книгой Густава Ивановича Радде — известного отечественного учено-го-естествоиспытателя и путешественника, почетного члена Русского географического общества и обладателя высшей награды нашей организации, Константиновской медали, — РГО начинает новую издательскую серию «Путешествие по-царски».

Долгие годы письменные свидетельства о многочисленных путешествиях и экспедициях членов русской императорской фамилии оставались известными только узкому кругу специалистов и библиофилов.

Вместе с тем, повествования об этих путешествиях — яркие и достоверные свидетельства о России и других странах, написанные и проиллюстрированные ведущими учеными и талантливыми художниками своего времени. Стоит особо отметить роль таких путешествий в формировании мировоззрения великих князей, отправлявшихся в подобные вояжи после окончания школьного обучения.

К началу плавания на яхте «Тамара» Г. И. Радде был уже признанным исследователем Кавказа, одним из участников Большой Сибирской экспедиции РГО, директором Кавказского естественно-исторического музея. Назначенный по Высочайшему повелению для сопровождения Великих князей Александра и Сергея Михайловичей, он был несказанно рад этой высокой чести, кроме того, поездка в тропики была давней мечтой ученого. Важно отметить, что участники плавания не только знакомились с природой и культурой иностранных государств, но и выступали посланниками России, налаживая связи с зарубежьем. Небезынтересно, что практически в то же время в плавание на Восток отправился цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, встреча великокняжеских судов состоялась на Шри-Ланке.

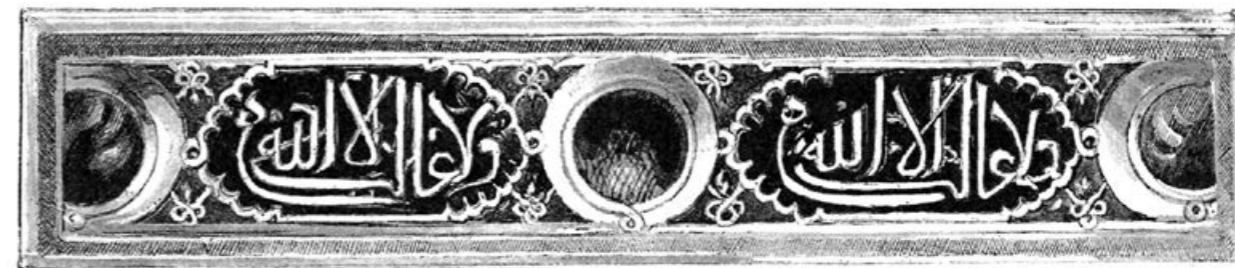
Путевые впечатления Г. И. Радде, проиллюстрированные многочисленными рисунками знаменитого русского графика Н. С. Самокиша, не переиздавались 130 лет. Они поражают своим обстоятельным изложением, богатым деталями, и содержат яркую картину путешествия, познания окружающего мира и его влияния на формирование мировоззрения молодого человека.

Уверен, что красочное повествование и высокохудожественное исполнение «путешествий по-царски» не оставит равнодушным и современного читателя.

Желаю приятного чтения!

С. К. Шойгу

Президент Русского географического общества

Предисловие

Со времени Васко да Гамы, с 1498 года, широкий открытый путь вел из Европы в тропические страны Азии. Гений Лессепса сократил его в 1869 году более чем на две трети.

Поездки в Индию, на Цейлон, к островам Зондского архипелага перешли из области мечты в действительность; обставленные всевозможными удобствами, вследствие необычайного развития и усовершенствования в морском деле, путешествия эти теперь уже нередки. Пароходы-колоссы следуют один за другим через узкий пролив Гибралтар и Суэцкий канал с тысячами людей и миллионами пудов груза, унося свои сокровища к далеким берегам Инда, Ганга и возвращаясь нагруженными обратно. Более короткий маршрут путешествий в восточную Азию в наше время, когда всё торопится и спешит жить, обуславливается в большинстве случаев коммерческими или служебными соображениями. Все это, вместе взятое, наложило на путь в Индию печать прозы, превратив его в большую военную и коммерческую дорогу.

Только в весьма редких случаях предпринимаются путешествия, подобные совершенному на яхте «Тамара», являясь плодом научной любознательности и желания взглянуть собственными глазами на величественную природу тропических стран.

Исключительные условия, при которых «Тамара» совершила путешествие, придало последнему необычайную прелесть. Чтобы сохранить впечатления, передать их читателю, и написана эта книга. Где бы ни находилась стройная яхта, разрезала ли она океанские волны или стояла в гаванях европейских и азиатских морей, далеко от культуры, около островов с девственной природой — всюду пассажиры ее были счастливы. Перед ними открывались новые, неизвестные им до тех пор картины, созданные всемогущей рукой Творца и сохранившиеся в своей первобытной чистоте!

«Тамара» не только была снабжена всем необходимым в самом широком смысле этого слова, но и другие условия путешествия были необыкновенно благоприятны.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Где бы ни появлялись Августейшие путешественники, везде Их Высочествам оказывался радушный прием и самая внимательная предупредительность, доставлявшая возможность видеть и наблюдать иногда то, что недоступно простым смертным.

Судьба, благоприятствовавшая плаванию, охраняла от превратностей погоды, и только единственный раз разгневанное северное Балтийское море захотело испробовать добрые морские качества яхты, вскоре после ухода ее из Петербурга.

Если прибавить ко всему этому живой интерес к науке, любовь к красотах природы, неустрашимость, выказанную во время охотничьих экскурсий, и любезную предупредительность в отношении друг друга, то нужно сознаться, что путешествие это носило идеальный характер.

Слово слабо, чтобы точно передать о пройденных «Тамарой» 23 000 миль!

Краткий географический обзор некоторых посещенных местностей и заметки о встреченных в пути предметах, представляющих особый интерес, помещены в приложении.

Нам остается принести глубокую благодарность тем из ученых, которые способствовали этому труду.

Определение большинства видов растений и животных сделано при любезном содействии профессора Кинга в Калькутте, доктора Тримэна в Перадении (Цейлон) — директоров местных ботанических садов. Растения из района Средиземного моря — г-дами Винклером и Ниманом в Императорском ботаническом саду в С.-Петербурге; часть зоологических коллекций — академиком г-ном Штраухом (отдел пресмыкающихся), г-ном Герценштейном (рыбы) и г-ном Бюхнером (млекопитающие) — в Академии наук. Некоторые птицы определены графом Берлепшем в Мюнхене, раковины, кораллы и проч. — профессором О. Беттгером во Франкфурте-на-Майне; доктором Сиверсом, г-дами Алфераки и Христовым определены насекомые, преимущественно бабочки. Перу профессора И. Вальтера из Йены и г-на Ленденфельда в Граце принадлежат две небольшие заметки о свечении моря, а барон Ф. Ф. Врангель не отказался поделиться с нами добытыми результатами при измерении глубины Черного моря. Поверка и дополнение метеорологических данных были произведены в главной физической обсерватории академиком Вильдом.

Еще раз приносим всем нашу глубокую благодарность.

С Севера на Юг

Впечатления и наброски

А. Л. Зандера

Петергоф. — Ревель. — Берега Англии. — Остров Уайт. —
Саутгемптон. — Париж. — В Диеппе. — В Плимуте. —
Бискайская бухта. — Гибралтар и Цеута. —
В Средиземном море. — Алжир. — Сирокко. — Неаполь и Везувий. —
Экскурсия в Помпеи. — Сицилла и Харибда. —
В Элладе. — Пирейская гавань. — В Афинах. — В Татое. —
Босфор. — Севастополь

была темная осенняя ночь. Небо покрылось тучами, сквозь причудливые контуры которых там и сям проглядывали звезды.

Вдалеке мелькали разбросанные по берегу огоньки Петергофа, постепенно погасая один за другим, а на рейде довольно мористо покачивалась красавица «Тамара», ожидая своего Августейшего хозяина.

Все готово к отплытию завтра на рассвете.

Итак, завтра мы уходим!.. Давно желанный час, наконец, настал; мы поплывем в страну баядерок, мы увидим Индию. Шутка ли сказать — Индию!..

«Да неужели вы пойдете на этой „скорлупе“ в дальнее плавание?» — спрашивали одни.

«Как! На этом „суденышке“ (каждого нашего моряка передернуло бы при таких сравнениях) вы поплывете в океан!» — удивлялись другие.

«Ну, однако, это рискованно: на такой яхточке идти в Индийский океан!» — заявляли третьи, и между ними даже немало моряков.

Правда, если бы подобную экскурсию предпринял какой-нибудь англичанин, американец или француз, то, конечно, никто бы не удивился и не разговаривал бы об этом; у нас же такое предприятие породило много толков и разговоров.

Настала полночь. Проглянувшие было звезды спрятались за тучи; совершенно стемнело и начал моросить дождь. «Кто гребет?!» — послышался глухой голос вахтенного с мостика. «Тамара», — ответил густой бас.

«Фалрепные на правую», — скомандовал старший офицер, и мгновенно вся яхта осветилась своим чудным электрическим светом, и все стояли готовыми на своих местах.

Через несколько минут ловко пристал к трапу паровой катер, из которого вышли Е. И. В. Наследник Цесаревич, Великие Князья Георгий Александрович, Георгий, Александр и Сергей Михайловичи и несколько человек свиты. «Тамару» перед ее уходом ожидала великая честь увидеть еще раз Наследника Цесаревича, который, в сопровождении Великих Князей, приехал пожелать нам доброго пути. Обойдя яхту, побеседовав и пожелав нам, за рюмкой доброй мадеры, счастливого плавания, Их Императорские Высочества, за исключением Августейшего хозяина яхты, отбыли в Александрию.

Настало 16 августа 1890 года. Ровно в 8 часов утра мы подняли якорь — и «Тамара» тронулась в путь.

Мы направились в Кронштадт, где нас на рейде радушно приветствовали «Держава», «Память Азова» и «Император Александр II»; их дружное «ура» провожало нас до самых выходных бочек.

Менее радушно кивал нам со штурманской рубки зловещий конус, предсказывая близкий шторм. Надеюсь, однако, на Бога и на всеильное русское «авось», мы продолжали путь, позабыв предсказание конуса.

По выходе в Финский залив нас стало покачивать, но «Тамарочка» с такой легкостью и изяществом скользила по волнам, что о качке не могло быть и речи.

Серыми свинцовыми тучами заволочло небо, дождь накрапывал большими редкими каплями. Завтрак, сервированный в верхней рубке, прошел очень весело и оживленно, и ни на ком еще не было видно симптомов морской болезни; никто еще не поддался этому морскому бичу. Увы! Недолго мы наслаждались этим спокойствием! Конус, по-видимому, не желал остаться в долгу и начал оправдывать свое предсказание...

Небо покрылось темными, грозными тучами, вдалеке появились барашки, и стал задувать ветер. Верхушки волн срывались и летели на палубу, обдавая любопытных холодным душем.

Было 3 часа дня. Мы подошли к острову Гогланд.

«Закреть все люки! Задрать все иллюминаторы! Осмотреть все!» — раздалась спокойная команда с мостика.

И это было как раз вовремя. В воздухе чувствовалось что-то неладное. Небо мгновенно почернело; зловещие, причудливой формы, облака низко неслись над нами с невероятной скоростью, а волны, поднимаясь всё выше и выше, превращались в целые горы и ежеминутно, со страшным шумом, опрокидывались на палубу. Скалистые берега Гогланда освещались лунным светом, а пенистые волны расходящегося моря с шумом и ревом разбивались об острые скалы опасного острова. Разразилась страшная буря, и залив превратился как бы в целый океан. Ливня лил дождь, а брызги волн заливали и осыпали все едким соляным налетом. Кругом нас кипела и шумела вода, превратившаяся в сплошную пену, и бедная «Тамара» нервно содрогалась под ударами чисто океанских волн.

С полным спокойствием смотрели с мостика на расходящуюся стихию Великий Князь Александр Михайлович и наш капитан, время от времени отдавая приказания. В верхней рубке лежал доктор и бессознательно созерцал эту грозную картину природы...

— Ну, что? — спросил его Великий Князь, спустившийся в рубку, чтобы отереть лицо и глаза от слипавшей их соли.

— Ничего! — ответил доктор в минорном тоне. — Дела наши, кажется, неважные!

— Да, да, необыкновенный шторм, но яхта — идеальна! Посмотрите, как она чудно держится на волне.

Доктор что-то промычал в ответ, смутно сознавая блестящие качества яхты, как вдруг страшный удар пробудил его из апатии.

— Пресвятая Богородица, спаси и помилуй: погибаем! — кричит, влетая в рубку, обезумевший от страха буфетчик М.

Великий Князь поспешил к капитану.

— Ваше высокоблагородие, — продолжал буфетчик, — всё кончено! Выломало двери у переднего люка, и вода без удержу валит в коридор; в салоне и в каютах уже по колено воды. О Господи! Неужели придется здесь погибать!

Прислуга вся тоже растерялась, и даже старые матросы не выдержали такого натиска: всех укачало...

Поломанный люк, однако, в несколько минут заколачивают досками, затягивают парусиной и ставят преграду разрушающей стихии.

На палубе целое море. Вода то приливает, то отливает, образуя каскады, в которых плавают корзины, ящики, куры, утки и разная домашняя утварь. Ветер неистово ревет и свистит в снастях, а разоренные волны бьют немилосердно борта нашей бедной «Тамарочки», которую бросает, как скорлупку.

По временам ветер немного стихает, чтобы в следующую минуту зареветь еще с большей силой.

А Гогланд всё перед нами. Только поздно к вечеру, когда уже совершенно стемнело, мы миновали этот злосчастный остров.

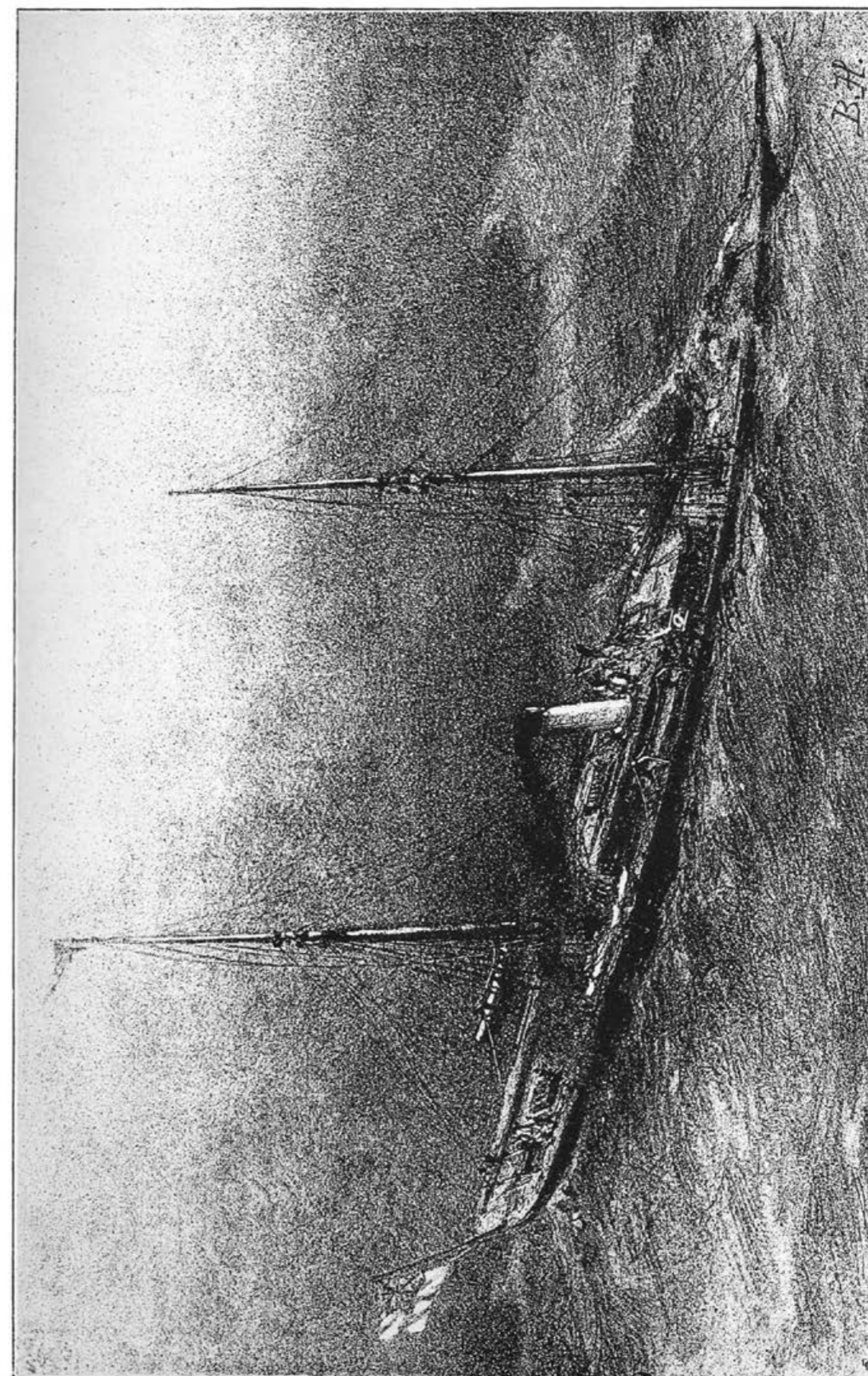
Все свободно вздохнули: главная опасность — разбиться об острые скалы Гогланда — миновала; но буря еще долго завывала, стихая постепенно, по мере приближения утра. Все свободные от службы спустились вниз, усталые и изнеможенные; более же всех были утомлены Великий Князь и командир, простоявшие весь шторм на мостике.

В 4 часа утра ветер заревел с новой силой, но это был только слабый отголосок вчерашнего. Измокшие и усталые, мы порешили зайти в Ревель, куда и взяли курс.

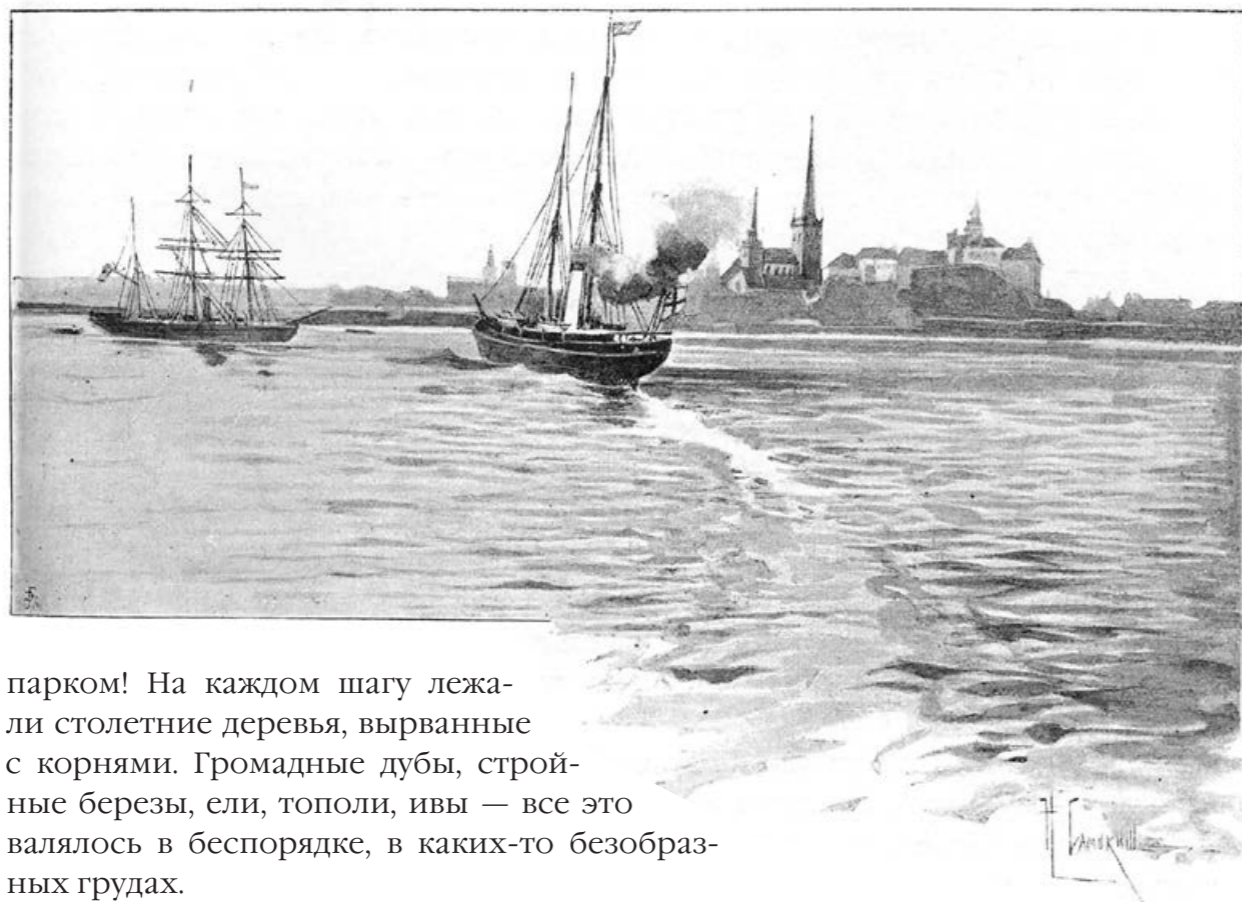
Утром мы увидели издалека шпиг старика Олая, а в час дня бросили якорь на Ревельском рейде, вблизи клипера «Стрелок».

Сколько рассказов, сколько расспросов ожидало нас здесь! Только и слышно было: «У нас унесло все шлюпки, которые стояли на дреке». «А нашу махину продрейфовало, и мы еле удержались на двух якорях», — говорили офицеры «Первенца». Особенно рьяно и одушевленно беседовали мичманы, подкрепляя себя мадерой.

Но нашему удивлению не было границ, когда мы увидели опустошения и бедствия, наделанные бурей на берегу. Что сделалось с чудным Екатеринентальским

Яхта «Тамара» во время шторма

парком! На каждом шагу лежали столетние деревья, вырванные с корнями. Громадные дубы, стройные березы, ели, тополи, ивы — все это валялось в беспорядке, в каких-то безобразных гудах.

В Ревеле провели время, как подобает в аккуратном, монотонном, скучном городе бюргеров: мирно и покойно; побродили по улицам, зашли в кондитерскую знаменитого «Штуде», выпили кофе с плохими сливками в Екатеринентале и вернулись на яхту. Просушившись и отдохнув, мы на другой день, после завтрака на радушном «Стрелке», продолжали путь, осведомившись раньше телеграммой о состоянии предстоящей погоды. Ответ был самый успокоительный: ожидаются штити. Приятная перспектива — и мы с легким сердцем поплыли.

Не успели мы потерять из виду Ревель, как опять засвежело. Опять заморосил дождь, закрепчал ветер, и пошел свист и стон. К счастью, это было к ночи, и все, кроме вахтенных, предались объятиям Морфея.

Наступившее утро оказалось не лучше ночи. Качало изрядно, и хотя Великий Князь и уверял, что яхта идеально держится на волне, что это положительно утка и что никакого перебора в винте не слышно, но доктор и казак (граф Граббе) никак не могли свыкнуться с плавными движениями этой «утки» и чувствовали себя прескверно. Завтрак прошел вяло: недоставало нескольких членов компании, которые в это время «отдавали дань Нептуну».

К четырем часам стало стихать, и, когда мы уже проходили остров Готланд, «данники Нептуна» появились наконец на мостике; они восхищались природой и морем, смеялись и остряли как ни в чем не бывало. Все страдания, все ужасы были забыты...

Обед отличался уже весельем и оживлением. Павел Иванович, наш повар *par excellence*, был на высоте своего поварского призвания. Борщ с ватрушками и остальные номера меню оказались превосходными. Несколько рюмок прекрасной мадеры и отличного «Карданаха» развязали всем языки, и пошла беседа...

Раздались на пианино из-под пальцев воспрянувшего доктора звуки не то польки, не то мазурки; дикие рулады и импровизированные аккорды дерзко нарушали тишину безбрежного пространства. С этой страстной музыкой слились потом нежные звуки родной балалайки, из которой наш казак извлекал «дзинь, дзинь, дзинь» — свою единственную мелодию «Ах ты, кумушка».

А вот и наверху послышались звуки гармонии и бубна, затянули матросики песню и — «пошла писать губерния!»...

Что сказать про следующие дни? Начинается то однообразие, которое неизбежно в море. Для характеристики приведу несколько заметок из дневника.

«20 августа. Чудный день. Небо чисто, и солнце светит вовсю, но не греет, так как дует довольно свежий ветерок. Видны берега. Завтрак прошел вяло. Читаем мало, беседуем больше, спим еще больше. В 8½ часа подошли к Копенгагену и взяли лоцмана. Как приветливо светят и манят веселые огоньки Копенгагена и Гельсингэра! Как стремится *dahin, dahin** наш казак! Все тщетно: преспокойно проходим мимо... «Не плачь, казак, во тьме ночной»...

«21 августа. Превосходный день. Прохладно, легко дышится свежим, чистым, прозрачным морским воздухом, который придает добрый аппетит, хорошее настроение и — еще лучший сон. Да, едим хорошо и много, спим еще больше и еще лучше!

Огибаем Скаген. Начинает покачивать. Вечером игра на балалайке с аккомпанементом пианино. Концерт кончился фатально: балалаечник сдал и сделался „жертвой Нептуна“».

Но не стоит продолжать выписки из дневника: один день похож на другой стереотипно; надо только упомянуть об одном происшествии, которое заняло всё наше внимание.

У скалистых берегов Англии нас застиг туман, да такой густой, что нос яхты, казалось, упирался в опущенный флер. Все гуще и гуще ложился туман на гладкую поверхность моря, так что через четверть часа перед нами стояла какая-то непроницаемая стена. Уменьшили ход, загудел ревун, кругом ни зги не видно. Сыро, холодно; неприятная дрожь пронизывает всё тело.

К счастью, скоро задул ветерок и сорвал густую вуаль тумана; постепенно стало проясняться, и мы увидели сначала какие-то неясные контуры, а потом ясно и отчетливо — крутые, скалистые берега Англии. Красные черепичные крыши домов, остроконечные башни и церкви городка Southwold весело манили нас к себе, а там, дальше, тянулись леса и рощи до самого обрывистого берега.

* Туда, туда. — Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.

Определив место, мы ускорили ход, спеша к месту назначения. Проходя остров Уайт, любимейшее летнее местопребывание англичан, с его прелестным белым дворцом и множеством дач и вилл, утопающих в роскошной зелени, с его знаменитым пляжем и с целым лесом мачт самых разнообразных яхт и яхточек, «Тамара» с достоинством отвечала на предупре-

дительные салюты своих многочисленных братьев, гордо скользила по волнам, продолжая намеченный себе путь, и в 9 часов утра, 24 августа, прибыла в Саутгемптон — в этот первый, назначенный по расписанию, порт, но, по стечению обстоятельств и по воле судеб, оказавшийся вторым.

В Саутгемптоне мы застали самый разгар стачки угольщиков и доковых рабочих. С первых шагов на берегу мы заметили осадное положение. На всех углах вооруженная полиция и войска, а тут же, на набережной, сотня бастующих рабочих с дикими, озлобленными физиономиями. Картина воистину непривлекательная! Здесь мы приняли заказанный раньше паровой катер, или вернее — катерок, легкий и изящный, достойный сын «Тамарочки».

Проделав всевозможные эволюции, проскакивая то под носом, то под кормой лавирующих яхт и снующих пароходов, катер оказался во всех отношениях безукоризненным и был в тот же день с триумфом поднят на палубу и поставлен на место, на правой стороне яхты.

На другой день мы укатили по железной дороге в Лондон, а там дальше, через Дувр и пролив — в Париж. В Лондоне мы останавливались лишь несколько часов, зато в Париже пробыли целых четыре дня!

Что мне сказать о Париже. Это не город, а целый мир. Чтобы быть кратким, сознаюсь, что мы провели время так, что было некогда скучать. «И только-то? О Париже?» — спросят любознательные и недовольные читательница или читатель.

Да! Потому что о Париже можно писать или целые тома, или — обойти вовсе молчанием. Я предпочитаю второе, так как на первое довольно потрачено труда, бумаги и чернил.

Об одном должен с удовольствием упомянуть, это о 30 августа, проведенном уже в Дьеппе, в кругу симпатичнейших, прелюбезных и милейших соотечественниц и соотечественников. Это был на славу удавшийся день бесконечного веселья и юмора! Мы хохотали до упаду и сожалели, что этот день был так краток и что мы должны так скоро оставить веселую компанию.

С быстротой 20 узлов мы пересекли канал и с молниеносным поездом помчались через Лондон в Саутгемптон, где нас ждала яхта, уже готовая к отплытию. Сесть на яхту и сняться с якоря было делом нескольких минут, чтобы уже на следующее утро опять бросить якорь на рейде Плимута, куда пришел фрегат «Память Азова» с Великим Князем Георгием Александровичем. Завтрак на фрегате, куда мы были приглашены, прошел весело и оживленно: преобладали, конечно, морские разговоры, в которых шторм и наводнение 16 августа играли не последнюю роль. Менее удачен был завтрак в кулинарном отношении: и наш Павел Иванович куда «заткнул за пояс» метрдотельствующего на «Азове», когда-то всему Петербургу известного Понсэ.

Тотчас же после завтрака мы распростились с Великим Князем и в 2 часа уже были в пути. Вы видите, читатель, что мы не особенно мешкали и не теряли напрасно времени, а стремились всё вперед, всё вперед...

Предстояло пересечь пресловутую, вечно бурную Бискайскую бухту, или, как ее попросту называют, «Бискайку». Впрочем, на этот раз она была довольно милостива, и вот что отмечено в моем дневнике:

«3 сентября. Мы в Бискайке. Мертвая зыбь, и нас мотает с борта на борт. Одни едят с волчьим аппетитом, другие больше глядят; особенно фатально эта качка отражается на новобранцах: они бледны и ничего не едят, зато старые матросы улетают за четверых».

«4 сентября. Мотало всю ночь, да и теперь продолжает мотать. Великий Князь восхищается чудными качествами яхты, наш молчаливый капитан вполне соглашается, а бедный казак угрюмо молчит. Доктор что-то очень повеселел — признак хорошей погоды впереди, да и правда: барометр подымается, море улеглось. Подходим к берегам Португалии. Картина оживляется. Попадают массы рыбаков с их оригинальными ботами, вооруженными громадным серым парусом с большой буквой посредине. Погода чудная. Море не шлохнет, солнце светит и греет, а зеленеющие вдали берега ласкают глаз. Слышен аромат с берега, и по вре-

менам налетают пташки и садятся на наши мачты. Как хорошо, как привольно! Мы на рубеже Атлантического океана и Средиземного моря».

Слева, водворившись на чужой земле, «гордый Альбион» построил у подножия отвесной скалы свой неприступный Гибралтар. И вот на испанской земле величаво развевается английский флаг и с насмешкой смотрит на своего испанского vis-a-vis, приотившегося уже на африканском берегу. Испанцы, изгнанные из собственной родной земли, нашли утешение в Африке — в Цеуте, где и водрузили свой флаг. Как не вспомнить знаменитый английский девиз: *Honi soit qui mal y pense**.

Средиземное море встретило нас очень дружелюбно: тихо катились его лазурные воды и бережно несли нашу яхточку, которая легко скользила по гладкой поверхности. Чистый, ясный голубой свод неба придавал тишине еще больше прелести, больше спокойствия. Чудная звездная ночь сменила теплый, совершенно летний день и открыла новые прелести, новые чудеса. Мы здесь впервые познакомились с подводным фейерверком — со свечением моря. За кормой тянулась блестящая серебристая лента, прерываемая подымавшимися огненными шарами, фосфорическими фонтанами и ракетами, которые рассыпались в блестящие брызги, в мельчайшие бриллианты, так что вся корма, казалось, пылала в фосфорическом свете.

8 сентября, рано утром, мы подходили к Алжиру. Расположенный большим полукругом по террасам, на которых приютились белые, чистенькие домики, утопающие в лесу тропической зелени, Алжир смотрит очень приветливо и симпатично. Слева — европейская часть с большими красивыми домами, с аркадами, выше — дачи и виллы посреди роскошных садов с тропической растительностью. Справа — мусульманская часть, на что указывают эти красивые мечети, стройные минареты и вся эта оригинальная восточная обстановка. Какая здесь жизнь, какое разнообразие! Трудно описать детали этой горячей, своеобразной деятельности; надо быть художником, чтобы верно и живо набросить все разнохарактерные типы и группы. Арабы, мавры, евреи, армяне, тюркосы, зуавы свились в один разноцветный клубок. И вся эта масса движется, кричит, торгует...

* Позор любому, кто плохо об этом думает (англ.-нормандск.).

Проделав все формальности в таможене, мы съехали на берег и поспешили укрыться от палящих лучей южного солнца в красивый *jardin d'été** — образчик южной тропической природы.

В миниатюре вы видите здесь изящную, густо разросшуюся бамбуковую аллею, превратившуюся в длинную темную веранду; здесь же вы найдете аллею кокосовых, а подальше — аллею королевских пальм. Маленькая роща широколистных бананов дополняет картину и еще более увеличивает иллюзию чисто тропической природы. Кто не видал тропиков, кому невозможно съездить на Цейлон или еще дальше, на того этот уголок тропического мира произведет подавляющее впечатление, а ведь в Алжир — рукой подать. Не менее интересна была прогулка в горы, в окрестности Алжира, где приютились дома и виллы богачей и приезжих больных; здесь же и лучшие пансионаты.

Какие здесь чудные уголки, какие прелестные домики и дачи с роскошными обширными садами; какой мягкий ароматический воздух! Всё это вместе с очень теплой зимой, с незначительной влажностью и массой солнечного света сделало Алжир одной из лучших зимних климатических станций.

Цитадель Касба, бывшая резиденция деев, на вершине крутого холма; веерный павильон, в котором, по рассказам, французский посланник получил оскорбление от последнего дая, и чудный вид на расположенный амфитеатром город и на море дополняют достопримечательности Алжира. Однако в день нашего ухода нам суждено было познакомиться и с одним неприятным явлением алжирского климата. Задул пресловутый сирокко и поднял такую сплошную массу пыли и мелкого песка, что положительно не хватало воздуха дышать. Покрытое тучами небо окрасилось под вечер в зловещий красно-желтый цвет, а над морем разразилась гроза. Фосфорическим светом сверкала молния на темном фоне туч, разряжаясь яркими зигзагами. Пошел дождь, и послышались вдали глухие раскаты грома. Мы уходили из Алжира...

К утру море опять взволновалось, развело крупную зыбь и начало качать; к вечеру же качка сделалась настолько неправильной и невыносимой, а яхту стало валить с борта на борт с такой силой, что мы решили зайти в ближайший порт

* Летний сад (фр.).

Кальяри, в Сардинии. Мы бросили якорь и ждали, но — ничего не дождалось. Перед нами оказался как бы мертвый город. Казалось, всё лежало в непробудном сне. И старый замок с башнями на высокой скале, и маленькие чистенькие, крытые черепицей домики, и люди, и животные — все, наверное, спали крепким сном, ибо мы, несмотря на все старания, на самое пристальное высматривание, не могли открыть ни одной живой души. Кроме рева ветра да качавшихся на волнах шхун и двух-трех пароходов, мы ничего не видали и не слышали. Никто нас не замечал, никто к нам не приезжал, и мы, обождав здесь несколько часов, ушли без привета, без ответа. Стихло. Оставив неприветливые берега Сардинии, мы направили путь в Италию — в тот чудный край, где небо блещет неизъяснимой синевой, где вечный лавр и кипарис на воле гордо разрослись; в страну искусств и вдохновений:

*Где Рафаэль животисал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал.*

Мы подходили к Неаполю. На голубом фоне прозрачного воздуха выплыли неясные очертания Искьи и Капри. Бинокли, подзорные трубы, весь арсенал оптических инструментов появился на мостике. Возгласам удивления и восхищения не было конца.

Каждый видел что-нибудь особенное, каждый открывал что-нибудь новое, оригинальное; некоторые видели даже то, чего нельзя было еще видеть из-за островов и гор... Вдруг воздух огласился всеобщим «а!»... (К чести наших путешественников надо сказать, что они стояли выше Бобчинского и Добчинского и не оспаривали друг у друга первенства в этом «а».) В тумане показался Везувий со своим вечным дымком, а вскоре перед нами открылась и очаровательная бухта bella Napoli*.

* Прекрасный Неаполь (итал.).

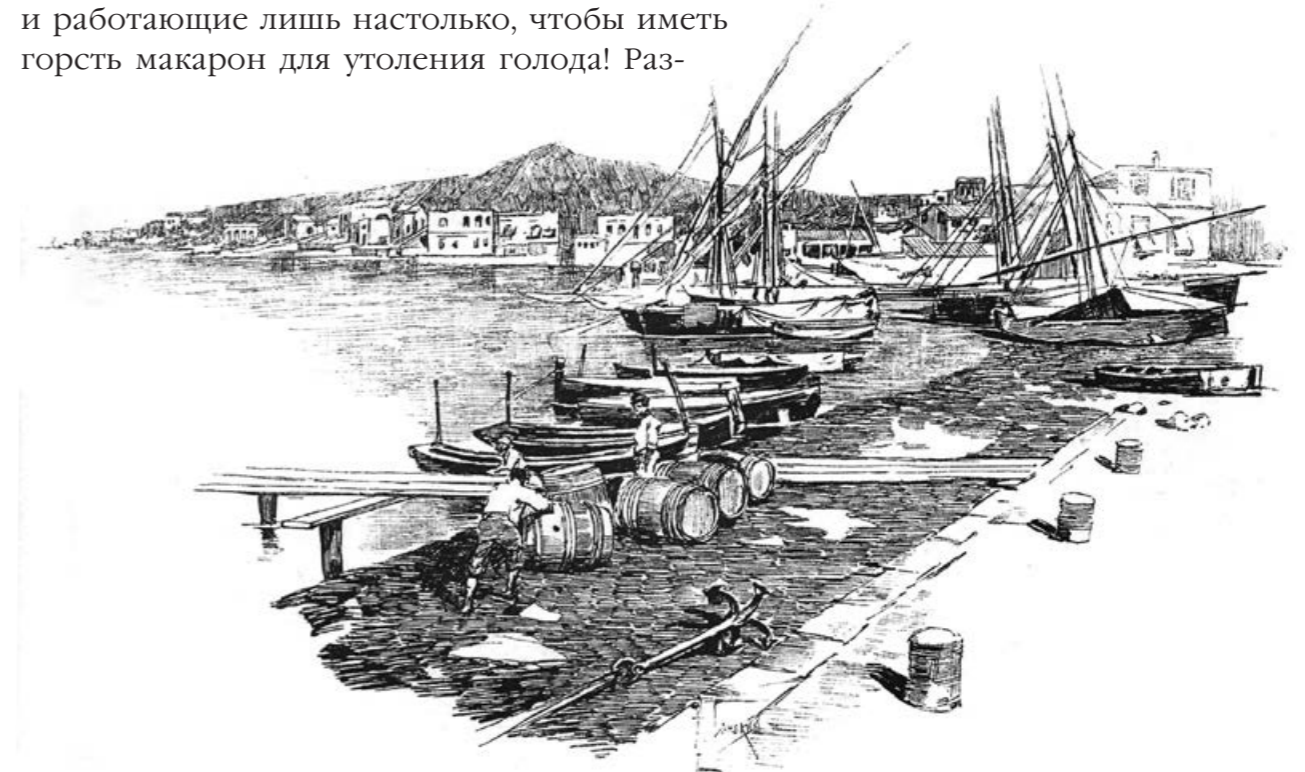

О, как она хороша, как восхитительна! Дайте мне кисть Айвазовского, дайте мне лиру Пушкина, чтобы достойно изобразить этот прелестнейший уголок мира! Но — приходится вернуться к прозе...

Стемнело. Засверкала окаймленная жемчужным поясом бесчисленных огоньков бухта, ведущая от Пуццуоли до величественного Везувия, который по временам вспыхивал и извергал горячую лаву, красными, пылающими зигзагами катившуюся с его вершины.

Не успели мы бросить якорь, как нас облепили со всех сторон шлюпки; тут как тут были и неизбежные неаполитанские певцы. Раздалась знаменитая Santa Lucia под аккомпанемент мандолины и гитары. Несмотря на сильные, разбитые голоса, в этом пении слышалось что-то привлекательное, что-то душевное.

И как здесь не петь! Как здесь не предаваться dolce far niente*, когда небо, море, южное солнце и вся природа располагают к этому! И я понимаю вас, лентяи-lazzaroni**, предающиеся по целым дням кейфу и работающие лишь настолько, чтобы иметь горсть макарон для утоления голода! Раз-

ве тут до работы, когда каждый камешек, каждая травка, каждый уголок зазывает вас, чтобы помечтать и полюбоваться живописной природой. Недаром сказал Гёте, описывая Неаполь: «Говори, рассказывай, рисуй что хочешь, здесь — больше, чем всё».

* Сладкое ничегонеделание (итал.).

** Нищие, босьяки, бездельники (итал.).

Но ведь и на солнце есть пятна, и разочарование не заставило долго себя ждать. Потеряв из виду море, я забрел в старую часть города. Узкие, грязные улицы, смрад, полуразрушенные дома с побитыми стеклами, испытые, мрачные физиономии мужчин; бледные, страдальческие, измученные фигуры жалких женщин чуть ли не с нагими ребятишками; ругань, брань, плач, рев, крик; бесконечная нищета — вот сердце bella Napoli!..

Прочь, прочь оттуда! К чему я буду смотреть на нищету, к чему я буду описывать бедность, когда я приехал сюда наслаждаться? Я рад, что я выбрался из этой труппы и очутился в самом разгаре жизни и веселья. Я — на Via Roma! Блеск, богатство, кипучая жизнь в такой разнообразии, в таких ярких красках, с такой оригинальностью и новизной, как нигде в мире. Неаполь славится своею необыкновенной, роскошной жизнью.

Вереница великолепных экипажей и еще великолепнее выглядывающие оттуда черные как смоль глазки итальянских красавиц; разноцветные, блестящие мундиры итальянской гвардии; тут же разнохарактерные костюмы неаполитанцев и неаполитанок; оживленный разговор толпы; резкое выкрикивание газетчиков и торговцев — всё это слилось в какой-то невообразимый хаос. В конце Via Roma, если считать ее начало от Королевского замка, — Неаполитанский музей, знаменитый собранием древностей Помпей и Геркуланума. Как любитель, так и записной археолог проведут здесь несколько приятных часов и, наверно, найдут больше, чем ожидали. Я, как профан в этом деле, наскоро пробежал музей,

но, в оправдание свое, должен сказать, что торопился на яхту, где ожидали к обеду Великую Княгиню Анастасию Михайловну.

Приняв Августейшую Гостью, все мы возлагали особенно светлые надежды на обед, который был затеян на славу. Увы! Наш Павел Иванович, отличавшийся всегда, как знает читатель, своим кулинарным искусством и срывавший с наших уст не одну похвалу, на этот раз — просто оскандалился. Рыба, приготовленная им со всевозможными финтифлюшками и чудным гарниром, правда, смотрелась очень аппетитно, но при первой же попытке воспользоваться этим блюдом распространился самый неприятный запах, и, хотя наш кулинарный божок и уверял всех, что это рыба «морская» и запах от нее только «морской», рыба осталась нетронутой. Sic transit gloria mundi!* Обиженный до глубины своего поварского сердца и найдя утешение у Бахуса, Павел Иванович со слезами на глазах воскликнул: «А рыба все-таки хороша! Боцман всю съел и сказал, что чудная рыба».

Этот аргумент, конечно, убедил всех.

Но чудный вечер и тихая лунная ночь искупили все поварские грехи.

Быстро нес нас паровой катерок по гладкой, как зеркало, поверхности моря, в которой отражалась луна в своей величавой прелести, со своим томно-нежным светом.

Великая Княгиня удачно заметила, что «сегодня луна не только светит, но и греет». И действительно: светлый месяц в лазурном эфире разливал такие ласковые лучи, что они если и не грели наше тело, то согрели наши сердца. «Счастливая страна, счастливые люди!» — воскликнул кто-то. «А ужасная нищета и горе, которые живут в недрах этой счастливой страны?» — подумал я...

Вся бухта расстилалась перед нами во всей своей бесконечной прелести. На востоке возвышался, как жертвенник, величавый Везувий, разыгравшийся немного, чтобы показаться во всем своем грозном величии. Его вечный дымок прерывался по временам ярким пламенем, которое, потухая, струилось по скатам горы в виде красных блистающих змеек, что придавало картине какой-то величественный, но вместе с тем и зловещий вид. Вдалеке на темном фоне мелькали огоньки расстилающегося у подножия гор несравненного

* Так проходит мирская слава! (лат.)

Кастелламаре; а с другой стороны бухты виднелся утопающий в апельсиновых рощах, ярко освещенный Сорренто. Вынырнув из моря отдельной скалой, показался остров Капри; справа открылись Посимеппо с могилой бессмертного Вергилия и одинокая Искья — совершенный конус. Всего не пересказать и не перечить, словами пословицы «приди в Неаполь и умри» — сказано все.

На следующий день мы сделали экскурсию по бухте на яхте Великого Герцога Мекленбург-Шервинского — Conqueror. Та же идеальная картина, но уже днем, с другими красотами, чем ночью. В Torre del Nunciata мы бросили якорь и отсюда на лошадях поехали в Помпеи.

Осмотрев музей, полный редкостей и древностей, построенный у входа в город, мы подошли к воротам Мертвого города и вступили на первую, не очень широкую улицу. Улица мощена большими четырехугольными камнями, в которых остались и поныне глубокие следы от массивных колес тяжело-весных римских экипажей. «Strada della Abbondanza! Strada di Sallustio!»* и т. п. восклицал, указывая направо и налево, наш услужливый чичероне. По обеим сторонам улиц тянутся тротуары, между которыми положены через улицу небольшие квадратные камешки, для перехода пешеходов на другую сторону без риска утонуть в грязи, — роскошь, которой бы позавидовала сама матушка-Москва, не говоря уже о наших губернских городах. Город довольно обширный: многочисленные улицы его перекрещиваются под прямыми углами, и почти у каждого из них — по глубокому колодцу. От домов теперь остались, конечно, одни голые стены, и впечатление от всего города — громадное пепелище. Резко выделяются дома знатных римлян своими размерами, изяществом и внутренним убранством, от которого остались еще и поныне следы живописи и мозаики такой красоты и художественности, а главное — такой свежести, что кажется, будто еще вчера помпейский художник трудился над этими орнаментами.

* «Дорога Аббонданза! Дорога Саллусто!» (итал.) — названия улиц в Помпеях.

Особенно хороши по богатой обстановке и грандиозности дома тогдашних богачей — Марка Олькония, Мелеагра и Корнелия Руффа.

«Toro civile! Tempio del Panteon! Tempio di Venere! Tempio di Mercurio!»* — продолжал наш словоохотливый чичероне, обращая наше внимание на развалины исполинских и роскошных храмов. Затем следовали казармы гладиаторов, комический и трагический театры — видимо, римляне любили повеселиться, и как трагедия, так и оперетта у них процветали. Но верх совершенства — это особенно близкие русскому сердцу общественные бани, chef d'oeuvre** изящества и комфорта, так что даже наш XIX век не придумал бы ничего лучшего.

«Улицей гробниц» мы завершили наше странствование по мертвому городу и поспешили домой. По возвращении в Неаполь мы распростились с Великой Княгиней и с Гросс-герцогом и продолжали путь в Грецию.

С отрадными воспоминаниями и с благодарностью в сердце оставляли мы этот лучший из уголков мира:

*А впереди синел простор безбрежный,
Залив пылал вдали в лучах заката,
И доносился чей-то голос нежный:
«O, bella Napoli! O, suol beato!»*

Погода нам благоприятствовала. 17 сентября мы были уже в Мессинском проливе и проходили мимо «чудовищ», игравших в произведениях древних поэтов такую важную роль, — мимо Сциллы и Харибды, зверство которых Одиссей рассказывает следующими словами:

*Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу; когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь, и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее...*

От всех этих ужасов остались теперь одни небольшие водовороты да гладкие полосы и круги, прерывающие местами мелкую зыбь залива.

Следующая картина по берегам Калабрии не очень утешительна: голые горы да там и сям поросшие кипарисом холмы, а там — опять безбрежное пространство, вода да небо...

* «Гражданский суд! Храм Пантеона! Храм Венеры! Храм Меркурия!» (итал.) — достопримечательности Помпей.

** Шедевр (фр.).

На яхте шла жизнь с ее обычными занятиями, или вернее — обычная жизнь без занятий. Несколько партий в пикет, оживленный спор, вкусный обед и завтрак и благодатный сон: вот яхтенские события этих дней.

На третий день приятного, спокойного плавания под светлым южным небом мы увидели берег: это был мыс Матапан, древний Тенарон. Здесь ожидалась качка, но на этот раз, к большому удовольствию всех, ожидания не оправдались, и мы могли тихо и мирно восхищаться новой прелестной картиной — восходом луны на море. Из-за неясных контуров белеющих Тайгетских гор блеснула

огненная змейка, которую вахтенный принял было за судовой огонь и был готов крикнуть: «По носу огонь!», но огонь постепенно превращался в красно-желтый рог, который всё рос и рос, пока не стал большим желтым шаром с глазами, носом и какой-то комической

гримасой. «Рожа клоуна, да и только!» — подумалось мне; но луна, видимо, обидевшись этим сравнением, изменила физиономию и, поднявшись выше, всплыла чудным светилом и озарила своим ровным, бледным, задумчивым светом дремавшие в серебре волны, придавая всей картине какое-то тихое спокойствие. А за кормой тянулась опять ярко-серебристая лента и, освещенная лунным светом, отдавала миллионами сапфиров, рубинов и бриллиантов.

Настало утро. Солнце золотистым блеском осветило чуть видные горы Эллады. Холодило. Легкий туман лежал еще на гладкой, как зеркало, поверхности

моря, воды которого «Тамара» мерно рассекала, оставляя по обе стороны две точно на голубом бархате ложившиеся складки.

Скоро мы увидели пирамидальную оконечность Св. Илии — высочайшей горы на острове Эгине. Как великан, вырос перед нами мыс Сунион (теперь Колонна) с мраморными развалинами храма воинственной богини Афины.

Направо и налево тянутся острова; дальше показалось целое море мачт Пирея и знаменитый своим мрамором Пентеликон. Каждое местечко, каждый островок — свидетель исторических событий. Здесь некогда жил и пожинал лавры Мильтиад; здесь — Фемистокл, Алкивиад; здесь некогда учил мудрейший Сократ или писал законы Солон; здесь когда-то ваял бессмертный Фидий; здесь творили Эсхил, Софокл и Еврипид; здесь во дни оны была колыбель искусств и художеств... Как чудный метеор, промелькнул перед нами «глаз Эллады» — Афины, расположенные на скалистых холмах с резко выделяющимся Акрополем, мелькнул, чтобы в следующий момент скрыться за полуостровом. Еще несколько минут — и мы в Пирее.

В Пирейской гавани шла кипучая работа. За 1/2 часа до нас пришла яхта Великого Герцо-

га Лейхтенбергского Георгия Максимилиановича «Роксана» и теперь швартовалась у правого берега гавани. Мы стали рядом с ней и тотчас приступили к чистке и уборке яхты.

Великий Князь немедленно уехал в летнюю резиденцию Королевы Татой, мы же отправились погулять на берег.

Нынешний Пирей — слабая тень прежнего; прямые улицы, двух-трехэтажные дома; по набережной склады, лавки и в изобилии гостиницы или кабаки, изобличающие в нем заурядный приморский городок.

Близкое расстояние Афин манило в тот же день съездить туда. Сказано — сделано!

Но как найти вокзал? Неужели пятилетнее зубрение — виноват! — «изучение» греческого языка не выручит меня из затруднения? На этот раз классицизм и достойный классик, каковым я оказался, восторжествовали. После некоторого раздумья у меня сорвалось слово «сидерос» (что значит по-гречески железный), к которому наш находчивый возница присовокупил «дромос» и повез нас на вокзал железной дороги.

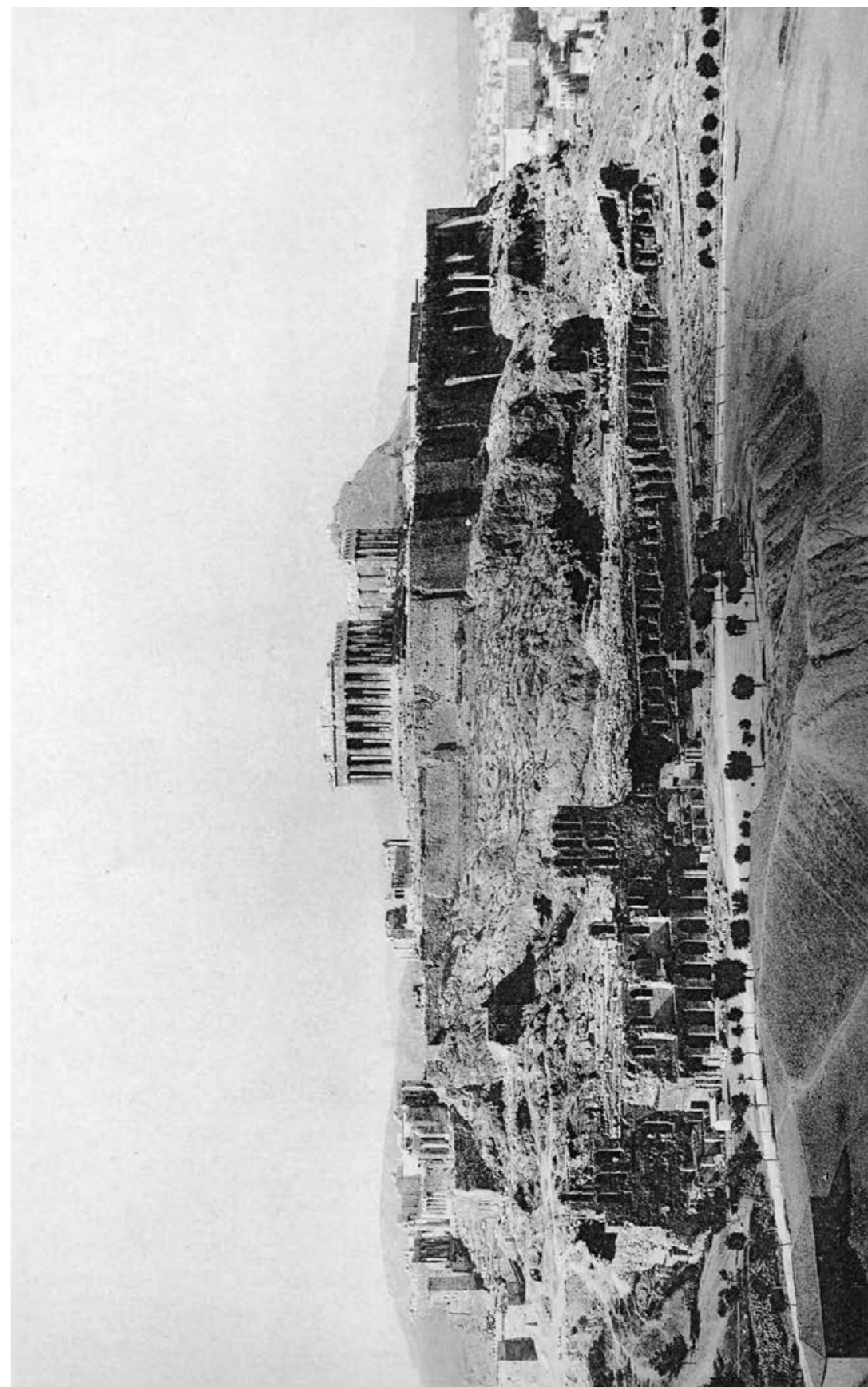
Дорога из Пирея в Афины не представляет ничего интересного. Холмистая поверхность и попадающиеся изредка плантации олив не особенно оживляют местность. Первая промежуточная станция «Фалерон», когда-то знаменитая гавань Афин, теперь излюбленные и модные *bains de mer** богатых афинян, — довольно красивое местечко со многими дачами и отелями, но отсутствие зелени бросается в глаза.

Скоро паровоз примчал нас на Афинский вокзал, который для метрополии Греции показался мне и малым, и жалким. У выхода с вокзала нас обступили возницы, предлагая свои услуги с таким шумом и гвалтом, что мы были рады выбраться из этого кагала, сев в первый попавшийся фаэтон.

Первое впечатление от Афин неважное. Маленькие домики с грязными лавчонками; посреди улицы поросята, козы, куры, индюшки и т. п. домашняя тварь: вот картина первой от вокзала афинской улицы. Чем ближе к новому городу, тем лучше попадают дома, а въехав на улицу «Гермеса», мы очутились уже в центре настоящего европейского города. Большие, в светлый цвет выкрашенные дома блестят своей красотой и новизной; богатые, роскошные магазины, с красиво убранными окнами, изобилуют самыми изящными предметами. Здесь же пред вами дефилируют самые разнохарактерные типы, самая разнообразная толпа, начиная от красивого островитянина в своем эффектном национальном костюме и кончая греческим гвардейцем, в новеньком, как с иголки, блестящем мундире. Особенно кипит жизнь на плацу, перед дворцом: здесь целый карнавал! Быть в Афинах и не видеть Акрополя — то же самое, что «быть в Риме и не видеть папы!» Дабы не заслужить подобного упрека, я на другой же день посетил этот «краеугольный камень» Афин, без которого Афины не были бы Афинами, без которого метрополия Греции не имела бы ни интереса, ни значения. С невольным благоговением я подошел к скале, на которой возвышается и господствует над городом Акрополь.

Пройдя двое ворот, я увидел развалины маленького храма богини Победы, а затем и знаменитые Пропилеи, преддверие Акрополя. Сооруженная из мрамора, эта колоссальная постройка может по справедливости считаться одним из самых драгоценных памятников древности. Поднявшись по ступеням широкой каменной лестницы, мы очутились на большом поле, покрытом массой останков статуй, колонн, храмов и т. п. древностей. Направо, на высокой террасе возвышается Партеон, развалины гигантского храма богини Афины, самый

* Морские ванны (фр.).

Акрополь в Афинах

законченный, самый драгоценный памятник греческого зодчества, творение бессмертного Фидия и знаменитого Иктина.

Не перечтешь всех памятников, всех редкостей, которые встречаешь на каждом шагу; но невольно вспомнишь тех новейших вандалов-англичан, которые «в минуту жизни трудную» для Греции увезли лучшие образцы скульптуры в свой British Museum и поставили их в особенном зале, названном в честь похитителя «залом лорда Элгина».

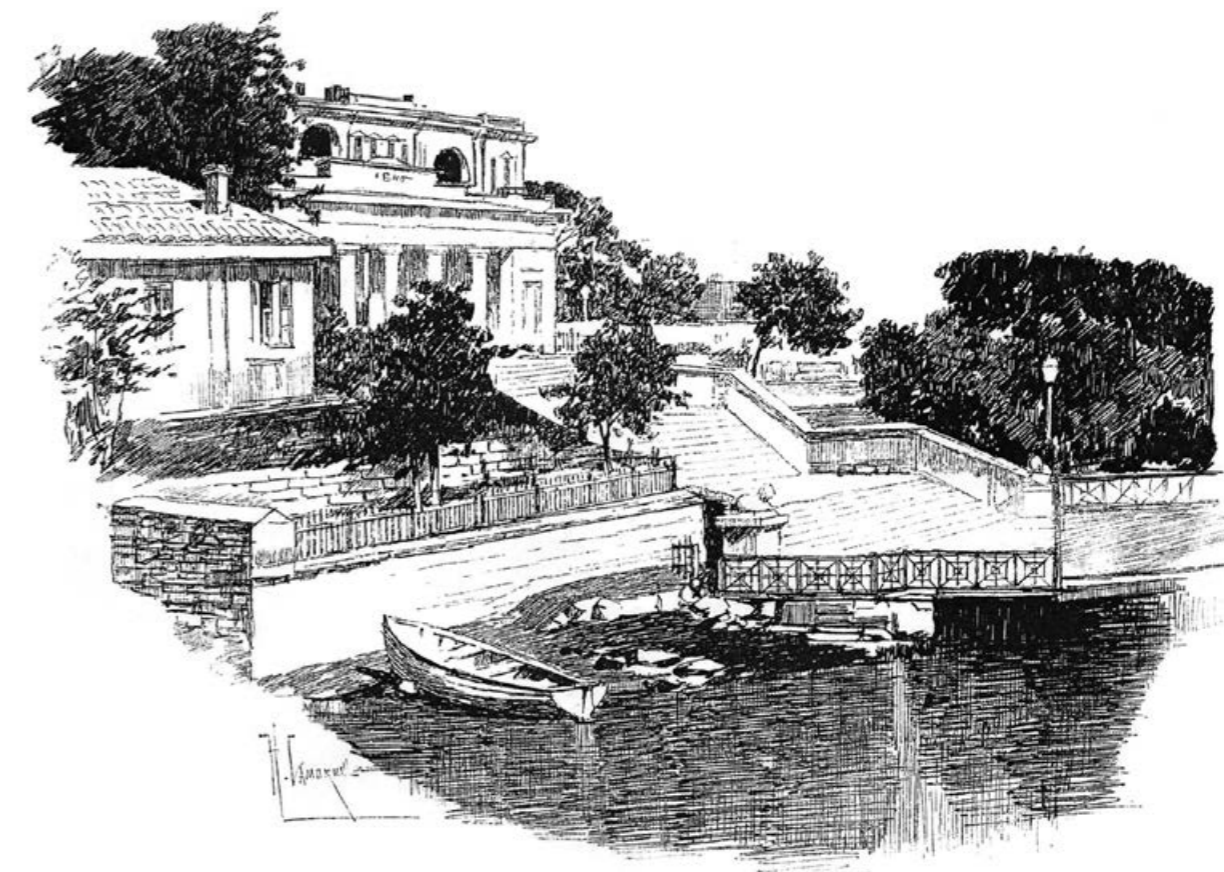
Вид с Акрополя бесподобен. Далеко видны лазурное море с разбросанными на большом пространстве островами, Фалерон — древняя гавань Афин и нынешняя его гавань Пирей. Полукругом расстилаются горные цепи Скараманги и Пентеликона, а дальше знаменитый Саламин и другие бесчисленные исторические местности...

Особенно хорош, как рассказывают, вид с Акрополя при лунном свете; но мне не удалось его видеть, так как в тот же вечер я был вытребован в Татой.

Собрав свои скромные пожитки, я уселся в вагон и по узкоколейной дороге, не торопясь, покотился в Татой. Железная дорога меня довела до Кефиссии — места, где, по рассказам, находится гробница Гомера. Отсюда я в кабриолете, высланном из Татоя, отправился дальше. По узким, извилистым дорогам, высеченным в горах, мы поднимались, как по спирали, всё выше и выше. Было уже совершенно темно, и путь освещался только матовым светом луны. Лишь изредка попадались огоньки в избушках; но, несмотря на отсутствие жилищ и людей, меня приятно поражали хорошие огороженные дороги, расчищенные леса, маленькие плантации олив, иногда небольшие виноградники и новенькие, чистенькие постройки. Видно было, что чья-то любящая рука заботливо охраняла это местечко; а между тем лет двадцать тому назад это была дикая, запущенная, непроходимая глушь.

Поздно вечером мы прибыли в Татой, и я немедленно отправился во дворец, где удостоился высокой чести и счастья впервые увидеть Державную Хозяйку — Королеву Греции и всю Королевскую Семью.

Не считаю себя вправе описывать семейную жизнь и домашний обиход Августейшей Семьи, упомяну только, что пять дней, проведенные здесь, показали нам всем за один светлый праздник. Благодать Божия над тем народом, который считает нашу Высокую Хозяйку своей Королевой!..

Не скажу, чтобы сама природа наделила Татой особенными дарами; но старательные и умелые руки успели извлечь из малого очень много. На местах, где некогда рос бурьян и дикий кустарник, появились целые плантации олив, виноградники, хорошо обработанные поля; леса были очищены; построены хозяйственные службы; введено образцовое скотоводство. В довершение ко всему этому возник даже маленький музей, в котором вы найдете всё, что произрастает и готовится в Татое.

Королевский дворец — сколок с дворца в Александрии, в котором жил наш покойный Император Александр Николаевич. Внутренняя обстановка дворца проста и изящна; прелестна и любимая комната Королевы в русском стиле. С великим огорчением оставили мы это дивное местечко, душевно сожалеем, что только пять дней провели в нем; но этот маленький земной рай крепко врезался в нашу память, и мы часто вспоминали его, часто беседовали о чудном Татое.

Вечером 26 сентября мы были уже опять в море. Нас прибавилось. Великий Князь любезно предложил нашему посланнику в Афинах г-ну Ону довести его на яхте до Севастополя, откуда он должен был ехать в Петербург для присоединения к свите Наследника Цесаревича.

27 сентября, к вечеру, мы подходили к Дарданеллам. Имея в кармане фирман на свободный проход через этот пролив, мы преспокойно продолжали путь.

Вдруг с правого берега мелькнул огонек, а за ним раздался холостой выстрел. Что за притча? Не успели мы очнуться и подумать, в чем тут дело, как последовал второй и третий выстрел. Мы уменьшили ход и стали искать якорное место; но вот над нашими головами прожужжала граната. Остановили ход. Кое-как, с разными ухищрениями, мы наконец нашли глубину в 12 сажений и бросили якорь, дожидаясь, чем все это кончится. Через четверть часа приехали турки с величайшими извинениями. Всё это было «недоразумение», всё это произошло «по ошибке». Они извинялись, упрашивали и галдели без конца; видно было, что этот «инцидент» мог им дорого обойтись; что дело пахло для них чем-то недобрым...

На другое утро с рассветом мы пошли дальше. Погода стояла серенькая, слегка покачивало, а малонаселенные пустынные берега Мраморного моря не особенно оживляли наше общее мрачное настроение. Но по мере приближения к Константинополю картина оживляется. Было уже темно, когда мы входили в Босфор; во мраке едва выступали силуэты красивых куполов, мечетей и стройных минаретов. Весь город был залит миллионами огоньков, которые нас окружали со всех сторон и представляли страничку из «Тысячи и одной ночи». Этим ограничилось на этот раз наше знакомство с Константинополем. На другое утро мы настойчиво продолжали путь и вошли в родное Черное море.

30 сентября мы завидели берег России, а в 9 часов утра бросили якорь в Севастополе. Здесь было назначено свидание с Их Императорскими Высочествами Великим Князем Михаилом Николаевичем и Великой Княгиней Ольгой Федоровной; здесь же ожидалось и два новых пассажира — Великий Князь Сергей Михайлович и д-р Радде, которому и передаю свое неопытное перо для повествования о нашем дальнейшем плавании в Индию.

